

Жан Ланн

М.К. Чиняков

Имя маршала Первой империи Жана Ланна, князя Сиверского и герцога Монтебелло, одного из ближайших друзей императора всех французов Наполеона I Бонапарта, широко известно российскому читателю. Вместе с тем жизнь, характер и потомство этого военачальника в отечественной литературе изучены недостаточно полно¹. К тому же очень часто работы, посвященные Ланну, рассказывают о его военной деятельности с излишним пафосом.

Из предков маршала известны только три поколения: его прадед, дед и отец. Прадед будущего герцога Монтебелло, Пьер (около 1641—1721 гг.), родившийся в Лектуре (провинция Гасконь) и занимавшийся сельским хозяйством, носил фамилию Лан (Lane). Его сын, дед будущего маршала, Жан Лан (Lanes) (около 1683—1746 гг.) был арендатором-издольщиком. Отец будущего маршала, также Жан, уже носил фамилию Ланн (Lannes) (1733—1812 гг.), владел землей в окрестностях родного города и немного занимался торговлей, то есть принадлежал к мелкой буржуазии. В 1759 г. Жан женился на Сесилии Фуреньян (1741—1799 гг.), дочери мелкого торговца.

10 апреля 1769 г., за четыре месяца до рождения Наполеона Бонапарта, в Лектуре, в семье Ланнов, появился на свет пятый ребенок (из восьми), которого нарекли Жаном. Всего у будущего маршала было четыре брата и три сестры — Жанна, скорее всего умершая во младенчестве (1760—?); Бернар (1762 — после 1829 г.), священник, безуспешно пытавшийся сделать карьеру чиновника во времена Консульства и умерший в неизвестности; Жан (1764—?) и Бернар (1766—?), погибшие во времена «войн за свободу» в 90-е гг. XVIII в. против Испании; Бернар (1771—?), унтер-офицер кавалерии, ушедший в отставку, возможно, в начале Наполеоновских войн и проживавший около Лектура на земле, приобретенной для него братом-маршалом; Жанна (1774—?) и Мария, скорее всего умершая во младенчестве (1777—?)².

Ланн-отец не уделял много внимания образованию будущему сподвижнику императора. Образованием будущего герцога Монтебелло решил заняться его старший брат Бернар, священник. По воспоминаниям адъютанта маршала и одного из самых известных мемуаристов наполеоновской эпохи

Чиняков Максим Константинович — кандидат исторических наук, доцент Московского педагогического государственного университета.

М. Марбо, «когда разразилась Революция, Ланн умел читать, правильно писать и знал четыре правила арифметики»³. Эти знания являлись достаточными для подмастерья красильщика, которым работал Ланн, но никак не для генерала. Впрочем, среди маршалов отсутствие образованности не было редкостью. К тому же Ланн стремился к знаниям и впоследствии смог восполнить пробелы в образовании. Тот же Марбо вспоминал: Ланн был «живой, остроумный, очень веселый, без всякого воспитания и образования, но страстно желающий учиться. И это было в те времена, когда об этом почти никто не думал»⁴.

По некоторым данным, Ланн служил в королевской армии, получил чин старшего сержанта, но из-за убийства на дуэли фельдфебеля, оскорбившего Ланна (некоторые убеждали, что из-за красивой девушки), будущий маршал был вынужден оставить службу. По возвращению домой сосед отца якобы сказал Ланну: «Оборванец, дурак! Зачем тебе опять становиться красильщиком? В этой профессии нет никакого будущего... Возвращайся в армию, там ты, возможно, станешь хорошим полководцем»⁵. В действительности столь романтическая история оказалась только легендой — в отличие от большинства наполеоновских маршалов, Жан Ланн никогда не служил в королевской армии. Более того, тяга к армии проявилась не сразу: 1-й батальон волонтеров Жера в 1791 г. ушел без Ланна, которому ничто не мешало завербоваться на службу, будь у него подлинное желание к солдатскому ремеслу. Только после того, как Конвент издал знаменитый декрет «Отечество в опасности!» (11 июля 1792 г.), Ланн проявил лучшие патриотические чувства и сразу же записался во 2-й батальон. Таким образом, военное ремесло стало для него не вторым «я», например, как у маршала Б.-А. Жанно де Монсея, неоднократно сбегавшего от родительского очага в армию. Наверное, поэтому Ланн, как никто другой из маршалов, будет постоянно ненавидеть войну и, в совокупности с чрезмерной эмоциональностью, свойственной гасконцу, будет страдать от этого.

20 июня 1792 г. 23-летнего Ланна сразу выбрали су-лейтенантом (младшим лейтенантом) 2-го батальона, — скорее всего, не только как одного из самых грамотных, но и как одного из самых задиристых в недавнем прошлом подростка. Именно в этот период он познакомился с двумя инструкторами, дружба с которыми свяжет его на всю жизнь: лейтенантом Ожеро, будущим маршалом, и с шефом батальона П.-Ш. Пузе, будущим бригадным генералом, который будет убит на глазах Ланна за несколько минут до смертельного ранения самого маршала.

С весны 1793 до лета 1795 г. Ланн воевал на Пиренеях в составе Восточно-Пиренейской армии против испанцев. По свидетельству Ланна, во время боевого крещения «меня обуял огромный страх, но я его взял за глотку и задушил, чтобы он мне больше никогда не мешал»⁶. Ланн сразу же выделился среди однополчан храбростью и бесстрашием. В течение только одного 1793 г. он сделал карьеру, возможную только во французской армии того периода: 25 сентября он лейтенант, 31 октября — капитан и командир гренадерской роты, 25 декабря — шеф бригады (полковник). В одном из боев Ланн во главе штурмовой группы в 500 гренадер был поставлен на острие атаки и прекрасно выполнил поставленную боевую задачу, захватив редут с 19 пушками. Поскольку заслуженный офицер нуждался в лечении нескольких ранений, его отправили в Перпиньян.

Именно там 24-летний Ланн познакомился с 20-летней дочерью богатого банкира Жанной-Жозефой-Барб Мерик, которую часто называли Полеттой Мерик. Девушка была жизнерадостного нрава, красивой и легкомысленной, одним словом, избалованным ребенком. Полетту в Ланне, наверное,

привлекли не только романтизм его ремесла и чины, но и солдатская грубоватость возлюбленного, контрастировавшая с утонченными нравами их семьи. 19 марта 1795 г. была отпразднована свадьба. Этот брак был намного выше того, на что Ланн мог рассчитывать. Неудивительно, что в знак протеста мать невесты даже не появилась на свадебной церемонии. Однако Мерик-отец должен был в душе одобрять этот брак — идея стать тестем офицера-республиканца казалась ему полезной для семьи.

Отношения супругов складывались непросто. Ланн обожал жену и писал ей с войны трогательные письма: «...Моя дорогая Полетта! Я мечтаю хотя бы на мгновение увидеть тебя, мой верный друг! Целую тебя тысячу и тысячу раз»; «...я не могу больше держать перо в руках, поскольку мое бедное сердце разрывается от тоски по тебе»⁷. Девушка, которая построила воздушные замки относительно материального благополучия будущего супруга, напротив, все больше и больше наблюдала их крах. Особенно после посещения в марте 1794 г. с мужем военного лагеря и в августе—октябре 1795 г. скромного родительского домика Ланна в Лектуре, который ей, как дочери богатых родителей, представлялся несколько иначе.

После заключения мира с Испанией в июле 1795 г. Париж перебросил войска с Пиренеев в Италию. Ланн продолжал поддерживать военную репутацию отважного офицера. Так, командир дивизии Итальянской армии Ожеро отметил его за участие в выигранном Массеной сражении при Лоано (22 ноября 1795 г.), открывшем дорогу на Турин и Ломбардию: «Шеф бригады Ланн блестяще выполнил все маневры, проявив умение смелость. Этот офицер заслуживает самых больших похвал и национальной признательности»⁸. Заслуги Ланна отметил и командующий армией Б.-Л. Шерер в рапорте в Париж.

После Лоано произошла смена командующих Итальянской армии и очередная реорганизация французской республиканской армии, в ходе которой полубригада (полк) Ланна была расформирована, а ему надлежало уехать домой. Но судьбе было угодно, чтобы друг Ланна Ожеро совершил должностное преступление: он не отправил Ланна в отставку по сокращению, как обязывали правила, а оставил будущего герцога Монтебелло в армии в качестве сверхштатного шефа бригады.

27 марта 1796 г. вместо Шерера Париж прислал нового дивизионного генерала — Наполеона Бонапарта. Началась знаменитая Итальянская кампания 1796 г., в которой принял участие и шеф бригады Ланн. Он доблестно участвовал в сражениях: при Дего (14—15 апреля), Лоди (10 мая), Бассано (8 сентября), Арколе (15 ноября). Сражение при Дего стало для Ланна знаковым, — именно здесь на него обратил внимание Бонапарт и в сентябре временно назначил его бригадным генералом, что было подтверждено 17 марта 1797 года. В бою при Бассано из пяти захваченных знамен на счету Ланна оказалось два. Накануне сражения при Арколе он в Милане залечивал ранения, но, едва узнав о тяжелой обстановке, тут же прибыл на поле боя. Поведя солдат в атаку, он все же не смог выбить австрийцев с моста и, получив два ранения, был унесен в тыл. Однако когда ему сообщили об очередной неудаче, Ланн, преневозямая боль, снова бросился в гущу боя, где прикрыл телом Бонапарта и остановил контратаку австрийцев, получив третье ранение за день.

Впрочем, Ланн прославился в боях не только с регулярными частями противника, но и с восставшим против французов итальянскими крестьянами. В мае 1796 г. несколько батальонов гренадер во главе с Наполеоном и Ланном быстро усмирили Ломбардию. Французы захватили и в качестве акции устрашения разграбили и сожгли Бинаско и Павию — темные пятна карьеры Ланна.

Семейная жизнь Ланна складывалась не столь благополучно. Полетта не только разругалась с родителями Ланна, с которыми она жила, но и обвинила супруга в измене. Это причиняло гасконцу смертельную боль: «...разве я могу быть неверным к милой, которую я обожаю?! Нет, я скорее согласен тысячу раз умереть!» (К этому же периоду относятся и семейные проблемы Бонапарта с Жозефиной.) Залечивая ранения в миланском госпитале, он забросал ее письмами с просьбами приехать к нему: «Любимая, когда же ты приедешь к своему другу, сердце которого дышит только тобой?.. Прощай, я больше не могу держать перо в руках, поскольку мое бедное сердце разрывается от горя и тоски по тебе. Я возвращаюсь в кровать, которую, наверное, больше уже не покину... Твой несчастный супруг»⁹. В конце концов Полетта приехала к мужу, и это были самые счастливые дни в жизни Ланна. Уезжая от полностью выздоровевшего и отправившегося на новую войну мужа, Полетта увезла с собой многочисленные подарки от него, в том числе определенную сумму денег, на которые она купила самый дорогой дом в Лектуре и, ни в чем себе не отказывая, залезла на огромные долги. Впрочем, финансовые затруднения не смущали Ланна, быстро расплатившегося по всем счетам. Источниками его доходов были многочисленные контрибуции¹⁰. Как здесь не вспомнить маршалов Л.-Н. Даву и Ж.-Э. Макдональда, о честности которых в финансовых вопросах Наполеон имел высокое мнение! Вместе с тем, Ланн был далека от известных грабителей в маршальских мундирах — Г.-М. Брюна, Массены и «собрывшего» картинную галерею Ж. де Дье Сульта. Более того, в отличие от многих маршалов, Ланну были свойственны проявления истинного благородства души (например, в июне 1798 г., на Мальте он спас нескольких монахов от бандитов) и щедрости (поскольку никогда не отказывал никому в деньгах, имея «открытый счет» у Наполеона).

В течение всех военных действий Ланн демонстрировал храбрость, мужество и отвагу. Не случайно солдаты прозвали его в честь героя средневекового французского эпоса «Роландом Итальянской армии», а также Ахиллом — в честь древнегреческого героя из «Илиады» Гомера¹¹. Неудивительно, что в 1798 г. Бонапарт взял бригадного генерала Ланна в Египет, и Ланн оправдал надежды Бонапарта: он отлично действовал во время завоевания Египта — при Александрии (2 июля 1798 г.), Пирамидах (21 июля 1798 г.), и во время Сирийской кампании 1799 г., точнее, в ходе осады Сен-Жан-д'Акра (19 марта — 20 мая 1799 г.).

Во время одного из штурмов крепости (8 мая) части Ланна ворвались в брешь стены, но защитники города так яростно сопротивлялись, что французы оказались вынужденными отступить. И тут Ланн получил ранение в шею и замертво рухнул без сознания на землю. Солдаты, посчитав командира убитым, дрогнули под нажимом турок и стали отступать, бросив командира. В этот момент некий капитан гренадер с возгласом «Спасем тело нашего генерала!» бросился вперед, увлекая за собой солдат. Каково было их удивление, что генерал, которого они считали погибшим, оказался живым! С огромным трудом его вытащили из-под турецких пуль. Тем не менее ранение обезобразило Ланна и до конца жизни он страдал от сильных болей в шее: «...голова у него всегда была наклонена к левому плечу, а в гортани были какие-то помехи, когда он говорил»¹². Впоследствии маршал не забыл того, кому он был обязан жизнью, купив капитану дом и способствуя его удачной женитьбе.

Через день, 10 мая, 30-летнего Ланна назначили дивизионным генералом (через год, 3 мая 1800 г. Бонапарт в качестве Первого консула подтвердил это назначение). По возвращению из Сирийской кампании французам пришлось вновь помериться силами с турками, высадившими десант под

Каиром. В ответ Бонапарт дал туркам сражение при Абукире (1 августа 1799 г.), в котором Ланн прославился вместе с другими будущими маршалами — Даву и И. Мюратом. Лихая атака 22-й полубригады легкой пехоты под командованием Ланна принесла французам большой успех: противник попал под удар кавалерии Мюрата и едва спасся бегством. Здесь же Ланн получил очередное ранение — пулю в ногу (он будет ходить на костылях даже по возвращении во Францию).

Хотя при Абукире французы одержали убедительную победу, в связи с неблагоприятной обстановкой внутри Франции в ходе ее войны со 2-й коалицией, Бонапарт принял решение вернуться во Францию, бросив армию. 23 августа 1799 г. на фрегате «Мюиرون» Наполеон с самыми преданными пятью генералами, в том числе и Ланном, отбыл из Египта, а 9 октября высадился в «милей Франции».

Длительные «войны за свободу» Франции против Европы разлучали мужей с женами, нуждавшимися в мужской опеке, а принятый во Франции в сентябре 1792 г. закон о разводах принес дополнительный соблазн тем, кто посчитал свои свадьбы жизненной ошибкой. Поэтому первый брак у Ланна оказался неудачным, как и у двух других маршалов — Даву и Виктора (К.-В. Перрена). В августе 1799 г., когда Ланн залечивал ранение в ногу при Абукире в госпитале Александрии, он узнал, что 12 февраля Полетта родила сына, Жана-Клода, — через 13 месяцев после последней встречи супругов. 26 августа Ланн заявил о разводе. Но во Франции его ждало тяжелое судебное разбирательство, поскольку мадам Ланн упорно пыталась доказать, что Жан-Клод — сын супруга. 18 мая 1800 г. генерал Ланн выиграл дело: суд постановил о разводе, признав ребенка незаконнорожденным. Мальчик умер в 17 лет, не оставив никакого потомства. Полетта Мерик вышла замуж за другого мужчину, месье Дюлена, хотя открыто встречалась с неким Сезераком, который, возможно, и был отцом ребенка. В 1815 г., во время 2-й Реставрации, неутомная Полетта, имевшая третьего супруга, заявила претензии на наследство герцога Монтебелло для Жана-Клода, продолжая утверждать, что он их общий сын. Развязка судебного процесса оказалась несколько неожиданной: бывшая мадам Ланн, урожденная Жанна-Жозефа-Барб Мерик, во время процесса скончалась. Однако тайна рождения Жана-Клода, вероятно, не раскрыта до сегодняшнего дня: в одном из масонских справочников 1816 г. (за год до смерти Жана-Клода) мальчик значился как сын покойного маршала герцога Монтебелло, а в регистрационном акте № 841 о его смерти, зарегистрированном местным муниципалитетом, он был записан просто как «Жан-Клод», без чьей бы то ни было фамилии, хотя имелось постановление суда от 18 мая 1800 г. о признании ребенка внебрачным сыном Ланна¹³.

По политическим взглядам Ланн был пламенным республиканцем, и 18—19 брюмера VIII г. Республики вместе с Ожеро и Массеной мог запросто оказаться в противоположном Бонапарту лагере, но, будучи всегда под сильным (почти гипнотическим) влиянием последнего, встал на сторону великого заговорщика. Прекрасно разбираясь в характере Ланна, Бонапарт поручил ему склонить пехотных офицеров парижского гарнизона на свою сторону, что тот и выполнил. Награда не замедлила себя ждать: 16 апреля 1800 г. Ланн сменил Мюрата на посту командира Консульской гвардии, оказавшись в итоге последним единоличным командиром гвардии Наполеона — после него этим элитным соединением будут командовать четыре человека, да и то формально. Звезда Ланна быстро всходила на военном небосклоне Франции, но могла всходить еще быстрее, если бы не его горячий и подчас неуправляемый гасконский темперамент и неукротимое своеволие. Он не одобрял амбиций Бонапарта, но вместе с тем ничего не мог поделать с собой. В 1807 г. Ланн с

юмором уверял окружающих, что «здорово запутался в сетях этой шлюхи (Наполеона. — М. Ч.)». Император, узнав о выражении маршала, долго смеялся¹⁴.

К 1800 г. война 2-й антифранцузской коалиции продолжалась. Хотя две экспедиции в Голландии и Швейцарии против Франции провалились, военная угроза для Парижа еще существовала в лице австрийских войск в Германии и Италии. В мае того же года началась вторая Итальянская кампания Бонапарта. 19 мая, после перехода через Альпы, французские войска оказались перед мощным фортом Бард, обеспечившим коммуникации армии с Францией через перевал Сен-Бернар. Форт был неприступен — с одной стороны его окружали скалы, с другой — горная речка. 22 мая Ланн во главе горстки смельчаков, по труднодоступным тропинкам подошел к воротам Барда и ворвался в укрепление одним из первых.

2 июня французы заняли Милан, а когда 9 июня Бонапарт покинул его, в тот же день произошел бой под Монтебелло, принесший Ланну впоследствии герцогский титул. В тот день австрийцы под командованием фельдмаршала-лейтенанта П. Отта фон Ботаркеца, двигавшиеся на соединение с основной частью своих сил Меласа, должны были как можно скорее добраться до реки По и помешать французам переправиться через нее. В 9 часов утра 9 июня Отт (20 тыс. человек) столкнулся с Ланном (8 тыс. человек); закипел ожесточенный бой. Исход противостояния был достаточно неопределенным, но во второй половине дня к Ланну подошла дивизия Ж.-А. Шамбарлака де Лабеспена из «корпуса» Виктора и сражение закончилось: войска Отта были обойдены с двух сторон и потерпели сокрушительное поражение. Победа принесла большую пользу Первому консулу, поскольку тот узнал о сосредоточении австрийцев под Александрией. По поводу итогов сражения знаменитый французский военный мыслитель А. Жомини сказал: это сражение ослабило врага и «возвысило нравственную силу наших войск, твердо решившихся не пропустить его (врага. — М. Ч.)»¹⁵.

К деятельности Ланна во время этого сражения большинство зарубежных и отечественных историков относятся традиционно положительно. Однако один из знатоков наполеоновских войн английский историк Д. Чандлер, не подвергая сомнению значение Монтебелло во всей кампании 1800 г., пытался подойти к характеристике сражения с несколько критической точки зрения.

Для понимания значения действий Ланна в этом сражении необходимо ответить на две ключевые проблемы: какие приказы выполнял Ланн во время сражения, то есть вступил ли он в бой по собственной инициативе или по приказу командования Резервной армии; по чьему приказу на помощь Ланну прибыл Шамбарлак? Результаты изучения этих вопросов однозначно показали: Ланн вступил в бой по приказу командования Резервной армии (которой фактически руководил Первый консул), полагавшим, что Ланну придется иметь дело с малочисленным и слабым противником. В результате Ланн столкнулся с превосходящими силами. Вся тяжесть удара неприятеля принял командир дивизии генерал Ф. Ватрен. Причем по данным боевого журнала Резервной армии касательно боя при Монтебелло, имя Ланна, в отличие от генерала Ватрена, упоминалось не столь часто. Как вспоминал позже Ланн, «кости трещали в моей дивизии, словно град, бьющий в стекло»¹⁶. После пяти часов упорнейшего боя, около 14 ч, когда силы Ланна были на исходе, наконец-то подошли передовые части Шамбарлака, которые прислал Виктор, получивший накануне сражения приказ поддерживать Ланна, и следовавший за ним в нескольких километрах. Только с подходом подкреплений Шамбарлака Отт отдал приказ отступить. Будучи на Св. Елене, император

откровенно вспоминал: «Генерал Ланн не имел намерения атаковать неприятеля и стоял на месте, ожидая подкреплений, которые должны были прийти с минуты на минуту. Но австрийский генерал на рассвете первым бросился в атаку... Приход генерала Виктора склонил чашу весов победы в нашу пользу». Эту же мысль поддержал такой авторитетный военный историк, как Жомини, утверждая, что без подхода Шамбарлака Ланну неминуемо грозило отступление под напором многочисленного и опытного противника. Тот же Жомини находил истоки отваги Ланна, бросившегося на многочисленных австрийцев в том, что тот был уверен в поддержке Виктора и, во-вторых, именно Бонапарт ускорил движение Виктора на помощь изнемогающему Ланну¹⁷. Вполне логичное замечание авторитета мировой военно-исторической мысли, основанное на документах.

14 июня произошло знаменитое сражение при Маренго, в котором приняла участие и одна дивизия Ланна (другие генералы — Виктор, Дезе, Монсей, — имели не менее двух дивизий). Стойкость, проявленная в сражении Ланном, была вознаграждена: Первый консул наградил Ланна почетной саблей, однако при вручении Ланну досталась сабля, предназначенная для Виктора. Хотя сабля Ланна (то есть Виктора) не сохранилась, зато саблю Виктора (то есть Ланна) можно увидеть в парижском Музее армии, в зале Консульства: на лезвии четко видна следующая надпись: «Генералу Ланну от правительства за битву при Маренго, возглавляемым лично Первым консулом» (таких сабель Бонапарт вручил, включая Ланна, всего пяти генералам). Удивительно, но в бюллетене Резервной армии от 15 июня, посвященном победе при Маренго, о Ланне не было сказано ни единого слова¹⁸.

Хотя война формально еще не закончилась, в ее положительных для Франции итогах никто не сомневался, и Ланн, в зените славы, решил обустроить личную жизнь, занявшись поисками новой супруги. Одной из кандидатур стала сестра Первого консула очаровательная Каролина, которая, как известно, предпочла Мюрата (по другим данным, она не понравилась Ланну). Ланн с широкими скулами, уверенным подбородком, жесткими рыжеватыми кудрями, с напудренной косой, по свидетельству супруги генерала Ж.-А. Жюно Л. д'Абрантес выглядел привлекательно, но успехом у женщин не пользовался: насколько он был отважен под пулями и ядрами, настолько он робел в общении с представительницами слабого пола. Ланн «...мужчина ростом пяти футов и пяти или шести дюймов (примерно 165 см. — М. Ч.), имел стройную, даже прелестную талию, и ноги и руки замечательные красотой. Лицо его было не красиво, но выразительно, и когда голос его высказывал одну из тех мыслей, которые произвели дела, давшие ему название Роланда французской армии, то... маленькие глаза его вдруг делались огромными и кидали молнии». Похожее описание маршала привел Марбо: «Ланн был среднего роста, но пропорционально сложен. У него было приятное и очень выразительное лицо. Небольшие, но живые и умные глаза. Характера он был доброго, но взрывного, до тех пор, пока не научился себя сдерживать. Его честолюбие было огромным, энергия неумемной, а храбрость беспримерной»¹⁹.

Повторный брак 31-летний Ланн заключил 16 сентября 1800 г., спустя три месяца после развода. На этот раз его избранницей стала 18-летняя Луиза-Антуанетта-Шоластик Гезенк (1782—1856 гг.), дочь судебного секретаря, ставшего во времена Первой империи Генеральным инспектором водных и лесных угодий Франции, графом и сенатором.

Луиза принадлежала к богатой буржуазии и соединила в себе образованность со знатностью происхождения. О ее красоте все современники отзывались очень высоко. Она была, говорила герцогиня д'Абрантес, «крошка», «копия одной из прекраснейших дев Рафаэля или Корреджо: та же чистота в

чертах лица, то же спокойствие во взгляде, та же ясность улыбки». Приворная дама Жозефины Бонапарт мадам К.-Э. Ремюза вторила герцогине: «В лице маркизши было что-то младенческое. Ее цвет лица был ослепительно белый, а его черты — мягкие и правильные». Хотя некоторые мадам Ланн казалась холодной, сухой и молчаливой, хорошо знавшие ее люди говорили, что у нее был мягкий характер, она не была завистливой и злословящей²⁰. Мадам Ланн нежно любила мужа и детей и в семейной жизни и при императорском дворе представляла Наполеону желаемый образец для всех молодых женщин как лучшей из матерей и жен. Император ценил ее за добродетели и выказывал ей явное предпочтение, вызывавшее большую зависть окружающих. Сама Луиза, судя по всему, изначально не возмущалась Наполеоном, а после смерти мужа, — которую она никогда не простила императору, — и вообще стала в ряды врагов Первой империи.

К моменту падения Наполеона герцогиня Монтебелло уже не пользовалась поддержкой со стороны императора, поскольку отказалась исполнить при императрице Марии-Луизе, при которой состояла ее первой придворной дамой. Сразу после первого отречения Наполеона Луиза, не любившая двор, как и ее покойный супруг, без сожаления вернулась в частную жизнь, и до самой смерти маркизши в 1836 г. о ней больше не вспоминали. Мадам Ланн похоронила рядом с сердцем своего супруга, на парижском кладбище Монмартр. Примечательно, что герцогиня Монтебелло, как и супруги М. Нея, Ж.-Б. Бессьера и Л.-Г. Сюше, отказалась от второго брака, хотя все они оказались вдовами в молодом возрасте.

Всего у Ланнов родилось шестеро детей — четыре мальчика и одна девочка: Луи-Наполеон-Огюст (1801—1874 гг.), второй герцог Монтебелло, во времена Второй империи сенатор, министр иностранных дел, посол Франции в России (1858—1864 гг.), альфонсариист; Альфред-Жан (1802—1861 гг.), граф Монтебелло — основатель знаменитой в 1830—1929 гг. марки шампанского «Монтебелло»; Жан-Эрнест (1803—1882 гг.), барон де Монтебелло; Гюстав-Оливье (1804—1875 гг.), барон де Монтебелло — дивизионный генерал, адъютант Наполеона III, канцлер и сенатор; Жозефина-Луиза (1806—1889 гг.), ее муж, барон И.Б. де Монвиль, стал паром Франции. Среди далеких потомков маркиза — князь Мишель Понятовский (1922—2002 гг.), министр внутренних дел (1974—1977 гг.) в правительстве премьер-министра Ж. Ширака во время президентства В. Жискара д'Эстена. Сын князя, Алекс Понятовский (родился в 1951 г.), — современный политический деятель Франции. К потомкам маршала относятся и герцогиня Орлеанская, урожденная Жерсанд де Сабран-Понтеверс, невестка графа Парижского (потомок последнего короля Франции Луи-Филиппа I). Сегодня во Франции проживает седьмой герцог Монтебелло, М.-Ж. Ланн (родился в 1939 г.), у которого трое детей²¹.

Подписание Люневильского (9 февраля 1801 г.) и Амьенского мира (27 марта 1802 г.) упрочило авторитет Первого консула не только за рубежом, но и во Франции. Однако, по мере усиления политической власти Первого консула, Ланн проявлял постоянно возрастающее недовольство политической деятельностью Бонапарта. Неудивительно, что Ланн вместе с Л.-Н. Карно, Ж.-В. Моро, Ж.-Б. Бернадоттом, Ж.-Б. Журданом и Ожеро оказался в группе недовольных Бонапартом генералов. Разумеется, Ланн не представлял для Бонапарта серьезной угрозы как политическая фигура, поскольку гасконец не был способен плести интриги в стиле тех же Бернадотта или Моро. Однако, ввиду неоспоримого авторитета в армии Ланна и его более чем значимого поста командующего гвардией, его могли использовать в качестве знамени, под которым могли идти против Бонапарта совсем другие люди, более при-

ученные к закулисной борьбе, чем лихой генерал-рубака. Поэтому Первый консул решил приструнить своего верного, но политически недальновидного товарища. По повелению Ланна поста командующего гвардией Наполеон сказал одному из приближенных генералов — А.-О. Колленкуру — в декабре 1802 г. следующее: «Я был вынужден снять его с должности. Если я не сделал бы этого тогда, стремление генерала к богатству и наветы мошенников, бессовестно обманывавших его, навлекли бы на Ланна неисчислимы беды»²². Найти повод Бонапарту не представляло особого труда.

В ноябре 1801 г. произошла более чем знаменитая история с гвардейскими деньгами, наделавшая много шума в консульской Франции²³. Бонапарт посоветовал Ланну приобрести Ноэльский особняк (по другим данным, Ланн сам решил его купить, без подсказки Бонапарта). Однако у смелого гасконца не нашлось достаточной суммы (Ланн был щедрым человеком и любил раздавать деньги друзьям или просто солдатам и унтер-офицерам гвардии), и обратился к постоянному кредитору — Бонапарту. Тот «великодушно» разрешил Ланну позанимствовать из гвардейской казны 400 тыс. франков. Казначей гвардии выдал деньги Ланну под расписку. Не прошло и 24 часов, как к казначею «неожиданно» нагрянула комиссия с проверкой. По некоторым данным, в этой истории неблагоприятную роль для Ланна сыграл Бессьер, который якобы и доложил Наполеону о растрате. Расписку Ланна комиссия у казначея не приняла; он бросился к Ланну, а тот — к Первому консулу. Бонапарт, в свою очередь, «удивился» и сказал, что не понимает в чем дело. Тогда Ланн устроил консулу бурную сцену в своем излюбленном спите, обзывал и оскорблял его, чуть ли не хватаясь за саблю. По другой версии, 9 декабря 1801 г. Ланн написал Бонапарту письмо с упреками: «...не считайте ли, гражданин генерал, что вы должны возместить мне эти расходы, поскольку они были осуществлены по вашему распоряжению; я никогда ничего себе не брал... Все мое богатство, нажитое мной, составляет три пули, два сабельных и три штыковых ранения, полученных на полях битв»²⁴.

Несчастный гасконец не знал, что и делать, но тут его выручил будущий маршал Ф.-Ж. Лефевр: «Простак ты, отчего ж ты не пришел ко мне? Зачем ты решился быть должным этому мерзавцу? На, возьми, деньги и отнеси их к нему и пусть он убирается к черту». — свидетельствовал секретарь Наполеона И.-А. Буриен²⁵; по другим сведениям, Ланна выручил либо Ожеро, либо Ж.-Б. Бернадот. Более чем вероятно, Ланну помог именно Ожеро, с которым его связывала давняя и искренняя дружба с 1792 года. Поразительно, но Ожеро, требовавший деньги как у врага, так и у своего государства, не согласился взять с Ланна даже проценты с суммы!

Герцогиня д'Абрантес, прекрасно знавшая отношения при консульском и императорском дворе, имела собственную точку зрения на подоплеку этой бурной истории: «я никогда не слыхала, чтобы кто-нибудь сказал Первому консулу “ты”», хотя он сам так часто делал; «...не верю, чтобы генерал Ланн когда-нибудь сказал ему “ты”»; не опариваю этого совершенно потому только, что это могло быть; но не постигаю в какое время»²⁶. Столь авторитетному свидетелю можно поверить: подоплека истории с обращением на «ты» непременно должна была стать завесой, ширмой истинных устремлений Бонапарта, стремившегося припугнуть и запугать «республикано-генеральскую» оппозицию. Бонапарту было чего опасаться: не так давно был раскрыт «заговор кинжалов» (10 октября 1800 г.), произошло знаменитое покушение на его жизнь на улице Сен-Никез (24 декабря 1800 г.). Вполне возможно, генеральская оппозиция намек поняла и самоликвидировалась.

Восстановление католицизма вызвало очередное недовольство республиканца Ланна. На праздновании Пасхи 1802 г. вместе с Ожеро друзья были доставлены на церемонию чуть ли не под конвоем жандармов. Во время мессы генералы откровенно зевали и всячески демонстрировали полное неприятие к происходившему. В частности, Ланн стал громко и жалостливо просить у окружающих что-нибудь пожевать, словно не ел целый год; под конец мессы вместе с Ожеро он где-то раздобыл шоколад и друзья принялись нарочито громко поглощать его, не забывая при этом громко шелестеть оберткой²⁷.

В итоге Бонапарт решил удалить Ланна от столицы: 14 ноября 1802 г. он назначил пылкого республиканца послом Франции в Португалии, — этот пост традиционно приносил большие доходы его обладателю. Считается, что Бонапарт предоставил его Ланну для возможности «заработать» необходимые деньги для выплаты долга. Миссия Ланна в Португалии до сих пор предподносится как одна из самых удачных в его карьере, поскольку привела к установлению прочных дружеских отношений между регентом Португалии Жоаном VI и Ланном, а также упрочению французского влияния в Португалии. Однако не совсем понятны мотивы Первого консула, отправившего лихого рубаку в мир дипломатии, где все умения победителя при Монтебелло вряд ли бы ему пригодились. Бонапарт так верил в широту кругозора Ланна с его посредственным образованием? Или Бонапарту в Португалии требовался именно вспыльчивый генерал, ненавидящий англичан? Или Бонапарт действительно отправил Ланна в Португалию «на заработки» и (или) одновременно в ссылку? Получается, что тогда Бонапарт придавал Португалии мало значения, хотя налаживание контактов с проанглийски настроенной страной было как нельзя выгодно Франции! Буриен уверял в следующем: «Он (Бонапарт. — М. Ч.) думал, что приказ, подписанный его рукою, имеет волшебную власть превращать генералов в дипломаты; почему он и назначал их посланниками, как будто желая показать чрез то государям, при коих они находились, что он некогда возьмет их престолы приступом»²⁸.

При более пристальном изучении миссии Ланна представляется следующее: к налаживанию добрососедских отношений между Португалией и Францией непосредственная деятельность Ланна, на постоянные демарши которого регент отвечал холодным молчанием (даже после знаменитого отъезда посла в 1803 г., чуть было не вызвавшего расторжение отношений между Францией и Португалией), не имела особого значения. И после того, как в июле 1803 г. регент стал крестником Ланна, он по-прежнему мало обращал внимания на официальные обращения в его адрес от генерала-посла. Дон Жоао стал налаживать отношения с послом Франции только после того, как британцы в августе 1803 г. предприняли попытку мятежа в столице. Именно

после волнений в Лиссабоне, а не из-за истории с внезапным отъездом Ланна, как обычно считают его биографы, регент заменил проанглийски настроенного министра иностранных дел на франкофила (оказавшегося впоследствии не более настроенным по отношению к Франции, чем предшественник). Хотя Наполеон и выразил похвалу Ланну как послу, результаты его дипломатической деятельности весьма неоднозначны (в одном из раундов франко-португальских переговоров Ланн умудрился даже встать на сторону Португалии!)²⁹. Единственно в заслугу Ланна можно поставить его искренний патриотизм и беззаветное желание служить родине на любом посту. Вместе с тем дипломатия явно оказалась не уделом боевого генерала, неоднократно просившего Наполеона об отставке.

На родину Ланн прибыл в новом качестве — маршалом империи, ибо знаменательное провозглашение Первого консула императором французов (18 мая 1804 г.) и учреждение гражданской должности и воинского чина «маршал Первой империи» (19 мая) застало Ланна в Португалии. Из четырнадцати имен (не считая четырех почетных маршалов) имя Ланна занимало малопrestижную десятую строчку в так называемом первом списке маршалов. Хотя Ланн вернулся из Португалии в июле 1804 г., ввиду скорой собственной коронации император не стал испытывать республиканские чувства экс-посла на прочность и отправил его в военный лагерь неподалеку от Кале.

В конце этого года, 18 октября, Ланн совершил одну из самых примечательных покупок в своей жизни — он приобрел за 450 тыс. франков замок Мезон, неподалеку от Парижа, — шедевр французской архитектуры XVII в., от которого к моменту покупки остались пустые залы, заброшенный парк в 300 га и поросшие бурьяном лугуры. Маршал обожал замок, приложил немало сил и денег для облагораживания его интерьера, а также парка, оранжереи, превратив замок в свое «родовое поместье»³⁰. В 1818 г. вдова Ланн продала его банкиру Жаку Лафиту за 1,5 млн франков (современное название замка — Мезон-Лафит). В 1905 г. в целях сохранности замка государство купило его у последнего частного владельца и в 1914 г. объявило «Историческим памятником». В настоящее время во Франции существует «Общество друзей замка Мезон», занимающееся изучением его истории.

К 1805 г. международная ситуация для Франции складывалась неопределенная. Несмотря на подписание мирных договоров с европейскими монархиями, наполеоновская Франция оставалась для них (прежде всего для Англии) врагом номер один. Франция также готовилась к дальнейшим сражениям. Поэтому в 1805 г. против нее оформилась третья коалиция (главные участники — Англия, Австрия, Россия), в борьбе против которой активное участие принял Ланн во главе 5-го корпуса Великой армии, по-прежнему воплощая замыслы Бонапарта в реальность.

В знаменитом сражении при Аустерлице (2 декабря) Ланн успешно командовал на левом фланге, в то время как на его сверстника Даву на правом фланге была возложена более чем серьезная задача сдерживания главного удара противника. В честь триумфа при Аустерлице император издал 30-й бюллетень, где уделил место победителю при Монтебелло: «Войска маршала Ланна наступали... словно на учениях»; «все атаки левого фланга, возглавляемого маршалом Ланном, увенчались большим успехом». Поскольку император в бюллетене достаточно нейтрально отнесся к действиям самого маршала, 3 декабря Ланн, недовольный словно ребенок, бросил армию и отбыл в Париж, к Луизе, а оттуда вместе с ней — в Лектур. Император отрядил за ним Мюрата, другого гасконца, но венценосный зять так и не смог догнать беглеца³¹. Биографы Ланна пытаются оправдать своего героя, но факт оста-

ется фактом: в разгар войны (хотя она явно близилась к завершению) маршал на 13-м году карьеры бросил вверенные ему части единственно из-за обиженного самолюбия.

С Мюратом у Ланна отношения не складывались. Так, после сражения при Йене (14 октября 1806 г.) Ланн был недоволен, по его мнению, чрезвычайной похвалой императора в адрес Мюрата, и в одном из характерных для него припадков гнева прямо сказал в глаза Наполеону все, что думал о Мюрате: «Ваша несчастная марионетка, ваш зять, шут гороховый с фиглярским лицом, дурацким плюмажем, вообще похож на навлину!» Марбо утверждал, что истоки этой неприязни лежали в самом императоре, намеренно разжигавшим чувство соперничества у Ланна и Мюрата. Отношения у Ланна не складывались и с Сультом, и с герцогом Истрийским Бессьером, которого справедливо подозревал в содействии браку Мюрата. Во время Австрийской кампании 1809 г., накануне своей смерти, Ланн получил неплохой шанс для реванша над Бессьером, когда император поставил под его командование герцога Истрийского. Поскольку последний отказался повиноваться приказам герцога Монтебелло, в тот же вечер между маршалами вспыхнула перепалка, чуть было не закончившаяся дуэлью³².

В 1806 г. Ланн стал активным участником развязанной Пруссией войны против Франции. В ответ последовал молниеносный удар Наполеона, закончившийся полным разгромом пруссаков. Ланн нанес поражение неприятелю в бою при Заалфельде (10 октября), участвовал в сражении при Йене (14 октября), возглавив в критический момент атаку 100-го линейного полка. Вечером сражения, несмотря на ранение, маршал посетил дом И.В. Гёте — то ли из-за действительного чувства к прекрасному, то ли для того, чтобы доставить приятное Наполеону.

Во время кампании 1806 г., словно напоминание о событиях пятилетней давности, произошла еще одна история, связанная с деньгами. В ноябре 1806 г. Наполеон выразил Ланну недовольство по поводу распределения денег, захваченным Ланном в Штеттине (эквивалентных на тот год 600 тыс. франкам). Император намекнул Ланну через Бертье, что он не знает, куда подевались эти деньги. Возмущенный Ланн отписал повелителю, что по его же распоряжению он употребил все эти «штеттинские деньги» на выплату денежного содержания солдатам, как ему и было приказано. Скорее всего, Ланн в этой истории был ни в чем невиновен, но император вряд ли стал бы просто так ворошить это дело. Скорее всего, «штеттинскими деньгами» Наполеон словно намекал о чем-то Ланну.

Эта история чрезвычайно уязвила эмоциональную структуру гасконца: в одном из приступов раздражения против Наполеона он намеревался даже оставить службу. 18 апреля 1807 г. Ланн написал жене письмо, полное горьких жалоб в адрес императора: «Я возмущен, моя дорогая Луиза, когда думаю, что, посвящая всю жизнь для его славы, он постоянно и в возмутительной манере старается оттолкнуть меня». 26 мая: «...я тебя уверяю, моя любимая... что мне приходилось проливать кровь за... (намеренный пропуск в письме. — М.Ч.) Я всегда был жертвой своей привязанности к нему. Он любит только по прихоти, то есть когда нуждается в вас»³³. Если Наполеон знал об этой личной драме маршала, он наверняка должен был от всего сердца забавляться над эпистолярной осторожностью Роланда Великой армии, не осмелившегося написать в личных письмах жене имя своего императора!

Отношение Ланна к Наполеону изменилось в лучшую сторону в конце кампании. Из Гильзита уже счастливый Ланн написал жене письмо, в строках которого звучала искренняя радость: «Я сегодня видел императора, и он сказал: „Ланн, я вскоре предоставлю вам доказательства своей дружбы“». Ты

видишь, любимая, как я его люблю! Я счастлив, когда он говорит, что дружит со мной!»³⁴. Вскоре выяснилось, что обида Ланна к императору исчезла как дым. Вместе с тем Наполеон, великий психолог, не обольщался по отношению к Ланну как другу, признавая в нем человека достаточно ограниченного ума. Так, в декабре 1812 г., Наполеон в личной беседе с Коленкуром сказал о маршале: «Он дал мне тысячу доказательств преданности мне в самых опасных обстоятельствах, но он любил меня, как любовницу и хотел мною управлять, по крайней мере, влиять на меня в собственных интересах. Поскольку он часто и безуспешно просил меня за людей, настоящих интриганов, Ланн самым откровенным образом проявлял свой взрывной характер и в такие моменты был способен на все». Более того, обвиняя Ланна в срыве франко-русских переговоров в Эрфурте осенью 1808 г. император пошел еще дальше, применяя к маршалу весьма не лестные эпитеты: Ланн, «непримиримый враг», «...умер как герой, хотя вел себя как предатель»³⁵.

В декабре 1806 г. Наполеон задумал маневр под Пултуском, с которого и начался зимний период кампании 1806 года. Правым крылом Великой армии Наполеон собирался захватить переправу через р. Нарев у г. Пултук, отрезав противнику путь к отступлению, а левым выйти в тыл главным силам русских и сокрушительным ударом уничтожить их. При этом Наполеон, ошибочно считая, что основная группировка русских войск находится северо-западнее Пултуска, направил туда свои главные силы (Даву, Ожеро, Сульта, Мюрата), а на Пултук — корпус маршала Ланна (15 тыс. человек) с целью захвата переправ и выхода в тыл русской армии. Наполеон никак не ожидал, что Ланн столкнется с большими трудностями — со всем корпусом Л.Л. Беннигсена (40 тыс. человек).

Действовать Ланну пришлось в жестких климатических условиях господства «пятой стихии» — непролазной грязи, усугублявшийся дождями, градом, метелями и пургой, превращая дороги в настоящее болото. 26 декабря корпус едва держался в седле от жуткой простуды Ланна, натолкнулся на Беннигсена, расположившегося на правом берегу Нарева у Пултуска. Предполагая, что он имеет численный перевес, в 10 ч утра маршал смело бросился в атаку и прорвал первую линию позиций Беннигсена. Но, натолкнувшись на многочисленные войска, благоразумно не решился идти вперед. К 15 ч. сражение затихло по всему фронту; противники занимали прежние позиции. Положение Ланна оказалось сложным и неопределенным, особенно на левом фланге (где 34-й линейный полк, пользуясь наступающими сумерками, стал отступать), как тут, словно по мановению волшебной палочки, на помощь Ланну именно на этот левый фланг прибыла 3-я пехотная дивизия под временным командованием генерала Ж.-О. Дольтана из 3-го армейского корпуса Даву (5 тыс. человек). Дольтан, двигавшийся по приказу Даву на преследование русских войск, отступавших по направлению к Пултуску, зная, что Ланн шел в том же направлении, собирался встать лагерем в нескольких километрах от уже разгоревшегося сражения, как вдруг услышал канонаду и по собственной инициативе двинулся на помощь 5-му корпусу, одновременно известив Даву о своих действиях³⁶. Началась вторая фаза сражения.

Дольтан действовал энергично: он тут же ввел передовые части в сражение и спас 34-й полк, одновременно известив Ланна о прибытии. Как только Дольтан спас левое крыло Ланна, он получил от него распоряжение приостановить наступление и укрепиться на прежних позициях. На этом сражение при Пултуске закончилось. Бои были чрезвычайно упорными. Позднее Ланн откровенно признавался: «с тех пор, как я воюю, я никогда не видел столь яростного накала боя!»³⁷. О положении Ланна к вечеру сражения вечером 26-го в рапорте Даву Дольтан прямо говорил: «Несмотря на действия 3-й дивизии,

направленные на помощь атакующим Пултуск войскам маршала Ланна, частям 5-го корпуса не удалось удержать захваченные позиции»³⁸. К вечеру 26 декабря противники остались на первоначальных позициях, но положение Ланна было по-прежнему сложным, усугублявшимся нехваткой боеприпасов³⁹. Однако Беннигсен, стараясь спасти войска, не стал дожидаться утра и ночью оставил Пултуск; в 3 ч 27 декабря Ланн занял оставленный противником город (в 8 ч Дольтан, убедившись, что ничто Ланну не угрожало, отправился к Даву).

Примечательно, что, расписывая Наполеону в рапорте вечером в день сражения блестящие действия вверенных ему войск, маршал «забыл» упомянуть о прибытии Дольтана, спавшего не только его корпус, но и престиж маршала, что характеризует Ланна явно не положительно. Наполеон, со своей стороны, наверняка имея информацию о сражении из других источников, тем не менее 30 декабря издал 47-й бюллетень, в котором говорилось об изначально едином командовании Ланном дивизий своего корпуса и дивизии Дольтана, что явно противоречило истине. Некоторые французские биографы также пошли по стопам Ланна и вообще «не заметили» прибытия Дольтана⁴⁰.

В качестве умелого тактика Ланн проявил себя в первой фазе сражения при Фридрианде (14 июня 1807 г.), где сумел противостоять русским войскам во главе с Беннигсеном, применив с успехом военную хитрость: используя рельеф местности и лес, маршал перемещал одни и те же батальоны, которым приказал поднимать как можно больше пыли. В итоге Беннигсен решил, что к французам подошли значительные подкрепления и стал действовать осторожнее.

Победа в кампании 1807 г. принесла Ланну новые лавры и признаки благосклонности, обещанные императором: 30 июня 1807 г. Ланн был удостоен титула князя Сиверского (хотя сам Ланн практически никогда не упоминал его в официальных документах), 13 сентября — титула генерал-полковника швейцарцев (шефа всех швейцарских полков Первой империи), а 15 июня 1808 г. — титула герцога Монтебелло, которым, как говорила придворная дама императрицы Жозефины, он был недоволен и считал себя достойным титула князя — республиканский дух уже умер в маршале, вкусившем славу и почет⁴¹. Во время переговоров в Тильзите Ланн получил от императора Александра I орден Андрея Первозванного, который Наполеон разрешил носить маршалу: «Вы заслужили этот орден как на поле боя при Фридрианде, так и при Пултуске. Этот орден одного из моих прежних врагов, сегодня моего близкого союзника, — почетен для вас и приятен для меня. Все для вас, мой дорогой Ланн»⁴². В том же году этим орденом были награждены всего три маршала (кроме Ланна — Бертье и Мюрат; в 1826 г. — маршал О.-Ф. Вьесс де Мармон). Всего за свою жизнь Ланн получил, не считая ордена Андрея Первозванного, семь орденов: три степени ордена Почетного легиона, крест командора ордена Железной короны (Итальянское королевство), большой крест ордена Св. Генриха (королевство Саксония), большой крест ордена Христа (королевство Португалия) и крест шевалье ордена Золотого орла (королевство Вюртемберг).

После завершения кампании 1807 г. и подписания Тильзитского мира, с 1808 г. у императора Наполеона появилась одна из самых грандиозных проблем за всю историю существования Первой империи — Испания. Наполеон, привычно кроя политическую карту Европы по собственному усмотрению, никак не ожидал, что в Испании он натолкнется на невиданное сопротивление местного населения. К осени 1808 г. дела французов на Пиренейском полуострове сложились как нельзя хуже: восстание в Мадриде (2 мая), не-

удачная первая осада Сарагосы (15 июня — 14 августа), капитуляция войск генерала П. Дюлона в Байлене (22 июля), капитуляция войск Жюно в Синтре (30 августа), оставление французскими войсками большей части занятой ими территории Испании, — все это доказало Наполеону необходимость в личном вмешательстве в происходящее за Пиренеями.

30 октября 1808 г. Наполеон вместе с Ланном покинул Рамбуйе и через четыре дня, утром 3 ноября, преодолев 900 км, прибыл в Байонну. Началось вторжение Наполеона — первое в его истории вторжение без активных действий со стороны противника. Взятие столицы император взял на себя, возложив на плечи Ланна, еще страдавшего от тяжелых последствий неудачного падения с лошади, разгром Андалусской армии испанских войск под командованием генерала Ф.Х. Кастаньоса и Арагонской армии генерала Ж. де Реболledo Палафокса-и-Мелси, «обидчиков» французского оружия, поскольку первый прославился на всю Европу как герой Байлены, второй — как герой первой осады Сарагосы. Против Кастаньоса Наполеон решил бросить корпус Нея и герцога Конельяно Монсея, которые должны были захватить в тиски испанцев и уничтожить их. Поскольку Наполеон особо не доверял энергии 54-летнего Монсея, он решил поставить герцога Конельяно, чем страшно его обидел, под командование 39-летнего Ланна. Герцог Монтебелло должен был гнать Кастаньоса на Нея, которому следовало встретить противника с тыла.

23 ноября 1808 г., при Туделе, в 70 км восточнее Сарагосы, Ланн (31 тыс. человек) за несколько часов, не вводя в бой все силы, разбил дезорганизованные и разрозненные войска Кастаньоса и Палафокса (30 тыс. человек). Победа была полной: по донесению Ланна, французы потеряли 150—200 человек убитыми и 300—400 человек ранеными, испанцы — около 4000 человек только убитыми. Следовало организовать преследование побежденных, но по состоянию здоровья Ланн остался в Туделе, приказав Монсею с одной частью войск лично заняться осадой Сарагосы, а с другой — преследовать разбитого Кастаньоса.

Поскольку Сарагоса занимала важное стратегическое положение (обладая ею, испанцы угрожали французским коммуникациям), Наполеон принял решение поставить город под полный контроль, но Монсей не обладал энергией Ланна и двигался медленно, как, впрочем, и из-за огромных проблем со снабжением войск. В итоге Палафокс беспрепятственно отступил (точнее, бежал) в Сарагосу, столицу провинции Арагон.

Сразу после первой осады 28-летний Палафокс с небывалой энергией начал спешно работать над улучшением оборонительных сооружений города со 100-тысячным населением. Он поставил под ружье разрозненные испанские части, находившиеся в городе, в том числе и беглецов из-под Туделы, — около 55 тыс. человек, большинство которых составляли вооруженные английским оружием и готовые сражаться до последнего крестьяне, горожане, контрабандисты, весьма искусные стрелки; на стенах и в городе стояло 150—160 пушек⁴³. В город свозилось продовольствие; все трудоспособное население, не исключая и женщин, было отправлено на фортификационные работы и заготовку припасов; городские укрепления были приведены в полную готовность. Каждый дом был превращен в мощный форт с бойницами, улицы перегорожены мощными баррикадами с пушками. Палафокс ввел жесткую дисциплину: за малейший отказ принять участие в работах виновного ждали самые суровые наказания, вплоть до смертной казни; любого, кто начинал заводить разговоры о сдаче, ждала виселица.

19 декабря к Сарагосе подошли войска, предназначенные для взятия города: 3-й и 5-й армейские корпуса Монсея и А.-Э. Мортье под командова-

нием первого — 25—30 тыс. человек (включая прекрасно оснащенные инженерные войска) при 60 осадных орудиях. Уже в ночь на 22 декабря французы предприняли первый штурм, захватив господствующие высоты. Началась вторая осада. С первых же дней французы оказались в тяжелом положении: поскольку окрестности Сарагосы были наводнены многочисленными вооруженными крестьянскими отрядами, продовольствие приходилось добывать с боем на месте или доставлять издалека. Ежедневно госпитали пополнялись по 100—120 человек больными и ранеными. Впрочем, осажденным приходилось не легче. Так, в Сарагосе вспыхнула эпидемия; несмотря на заранее подготовленные запасы продовольствия, начались перебои с питанием, а после захвата французами всех городских мельниц, наступил и голод.

Тем временем, ввиду отсутствия положительных результатов в осаде Сарагосы, император решил сменить Монсея и 17 декабря назначил командующим осадой герцога д'Абрантеса Ж.-А. Жюно, а Ланна из Туделы взял с собой для преследования английских войск. К середине января 1809 г. Жюно удалось захватить половину внешних укреплений города. Однако осада затягивалась. 8 января император, спешивший во Францию, возложил на Ланна командование 3-м (Жюно) и 5-м (Мортье) корпусами и общее руководство осадой. 20 января маршал прибыл к Сарагосе. Быстро оценив обстановку, герцог Монтебелло приступил к возведению новых батарей и занялся подготовкой очередного штурма. Сами осажденные не дремали и неоднократно совершали дерзкие вылазки. Так, в ночь на 23 января испанцы захватили две пушки; за два дня (26—27 января) только французские инженерные части потеряли 7 офицеров и 38 солдат, а два батальона 117-го пехотного полка ударились в панику. В полдень 27 января французы, пробив накануне три бреша, начали генеральный штурм. Разгорелись упорные бои: осыпаемые градом пуль, ядер и картечи, французы с огромным трудом продвигались вперед. Внутри города начались беспощадные уличные бои, или, как выразился Ланн в письме супруге от 6 февраля 1809 г., «война против домов»⁴⁴, где под дома, которые не удавалось взять штурмом, французы проводили подкопы, закладывали пороховые мины и взрывали их вместе с защитниками. Атаки следовали за атаками, сражались за каждую улицу, за каждый дом. 29 января Ланн написал Наполеону о штурме 27 января: «Сир, я никогда не видел столько жестокости, которую проявили наши враги при обороне Сарагосы. Я видел женщин, которые давали себя убивать у городских брешей. Нам приходится брать штурмом каждый дом»⁴⁵.

Затягивающаяся осада и, в частности, жестокая «подземная война» отрицательно сказывались на боевом духе осаждающих, наполняя их сердца неуверенностью и сомнениями в благоприятном исходе; иногда «ворчуньи» открыто проявляли недовольство командованием, в том числе и Ланном, требуя подкреплений. При этом Ланн, имея опыт борьбы против испанцев при Туделе, судя по всему, не ожидал столь отчаянного сопротивления и находился в психологическом затруднении. 1 февраля он написал императору откровенные строки: «Эта война совсем не похожа на ту, которую мы знаем... Эти несчастные защищаются с таким остервенением, которое даже невозможно представить. Сир, эта война вселяет ужас в наши сердца». Даже за несколько дней до сдачи города Ланн не был уверен в своем успехе, с солдатской прямотой сообщив Наполеону: «Мы слишком далеки от полного успеха»⁴⁶.

19 февраля французы захватили предместье на левом берегу; наступил явный перелом в сторону французов. Ситуация для Сарагосы ухудшилась до предела. Уже вечером того же дня к Ланну прибыл парламентар от Палафокса. 21 февраля 1809 г., после 52-дневной обороны, Сарагоса капитулиро-

вала; 24 февраля Ланн совершил торжественный въезд в город вместе с герцогом Тревизским Мортье и штабом. Общие потери испанцев за осаду составили 53 873 человека (из которых безвозвратные потери гарнизона составили около 18 тыс. человек), французов — около 3000 человек (по данным испанских историков — 10 тыс. человек). В качестве трофеев Ланну достались 21 знамя (по первоначальным данным самого Ланна — согна знамен) и большие запасы пороха⁴⁷. В городе еще находились крупные запасы зерна, но без мельниц превратить его в муку было невозможно. Город лежал в руинах.

Значение взятия Сарагосы трудно переоценить, — это было самое эпохальное событие периода сопротивления Испании Наполеону. Во-первых, Арагон был потрясен падением города; восстания и волнения испанцев сразу прекратились. Во-вторых, взятие города укрепило авторитет французского оружия, и, в-третьих, обезопасило французские коммуникации, обеспечив прочную связь между войсками на Пиренеях и Францией. При этом осада Сарагосы тяжело подействовала на эмоциональную натуру гасконца. Он постоянно бомбардировал Наполеона и Бертье просьбами отправить его во Францию поправлять здоровье⁴⁸, прийти в себя от увиденного и пережитого. 21 марта Ланн уехал во Францию.

В начале 1809 г. началась Австрийская кампания, оказавшаяся последней для маршала. Ланн возглавил 2-й армейский корпус французской Германской армии и, как всегда, под началом Наполеона, в ходе 5-дневных апрельских боев (19—23 апреля) совершил очередные подвиги (например, 23 апреля при взятии Регенсбурга). С захватом в мае столицы Австрии война, как предполагал император, не закончилась. Эрцгерцог Карл сумел спасти армию и отвести ее на левый берег Дуная. Преследуя австрийцев, Наполеон перебросил туда корпуса Ланна и Массены, а также кавалерию Бессьера. Но переправа была наведена на скорую руку, и поэтому сильное течение быстро разломало мосты. Ланн с Массеной и Бессьером (60 тыс. человек) оказались изолированными на противоположном от главных сил берегу, один на один с почти 100-тысячной армией эрцгерцога. Сражение на левом берегу Дуная при попытке французов переправиться через раку вошло в историю под названием сражения при Асперне (Эсслинге). В 15 ч 21 мая австрийцы начали наступательные действия. Разгорелись ожесточенные бои. За каждый домик в Асперне и Эсслинге шла кровавая борьба. Часть Асперна Массена потерял, Ланн же, благодаря действиям кавалерии Бессьера, в Эсслинге удержался⁴⁹. Судьбе было угодно, чтобы в самый напряженный момент этого кровопролитнейшего сражения, когда победа французов была близка, Ланн с Массеной оказались отрезанными от главных сил из-за очередного разрушения понтонного моста. Более того, именно в ходе этого сражения Ланн, предчувствовавший утром 22 мая собственную смерть, получил смертельное ранение.

В действительности, гибель Жана Ланна не была героической, как смерть маршала Бессьера, убитого 1 мая 1813 г. ядром во время рекогносцировки или маршала Ю.А. Понятовского, утонувшего 19 октября того же года во время финального этапа сражения при Лейпциге. Ланн получил смертельное ранение не во время атаки, можно сказать, случайно. Около 18 ч 22 мая, в конце упорнейшего дня, когда атаки с обеих сторон утихли, находясь во второй линии позиций в компании с другом генералом Пузе (его инструктора в 1792 г.), маршал невольно стал свидетелем гибели последнего, убитого ядром (или картечной пулей) наповал. Адъютант герцога Монтебелло и очевидец ранения Марбо вспоминал: «Взволнованный маршал... сделал согну шагов в направлении Гросс-Энцлерсдорфа, задумчиво сел на край рва, откуда стал смотреть на войска. Через четверть часа четверо солдат, тяжело несущих тело мертвого офицера, полностью завернутого в шинель, остановились пе-

редохнуть, недалеко от маршала. Шинель откинулась, и Данн узнал Пузе. — «А! Эта ужасная сцена будет преследовать меня всю жизнь...», — вскричал он. Данн поднялся и пересел на другое место. Он сидел, прикрыв рукой глаза, скрепив ноги, потруженный в печальнейшем размышлении. И в этот момент небольшое ядро третьего калибра (имеется в виду 3-фунтовое ядро — самого мелкого калибра. — М. Ч.), выпущенное из Эндерсдорфа, рикошетом попадает в маршала, прямо в его скрепленные ноги... Оно разбило ему коленную чашечку на одной ноге и подколенную впадину на другой. Я бросился к маршалу в тот же миг. Он мне сказал: «Я ранен... это ничто... дайте мне руку, помогите подняться...». Он попробовал встать, но это было невозможно!»⁵⁰

По словам главного хирурга Императорской гвардии и друга Данна Д.-Ж. Ларрея, «после первого же рикошета ядро *большого калибра* (выделено мной. — М. Ч.) со всей силой ударило в левое колено маршала, раздробило его и, изменив направление, с не меньшей силой ударило по касательной по правому бедру, с которого сорвало кожный покров и большую часть мышц... и очень близко возле коленного сустава той же правой ноги, которую к большому счастью, не был задел. От удара о землю герцог Монтебелло испытал сильнейшее сотрясение мозга и внутренних органов... У маршала было бледное лицо, бледные губы, грустные и слезливые глаза, слабый голос и едва уловимый пульс». Таким образом, несколько неясно, чем был ранен маршал: «небольшим ядром» (Марбо) или ядром «большого калибра» (Ларрей)? Врач императорского двора Ж.-Б. Ланефранк даже сообщил, что первоначально, опираясь на характер ранения, хирурги (их имена Ланефранк не указал), говорили даже о картежной пуле⁵¹.

Немедленно собрался консилиум из всех авторитетных врачей: Ларрей, главного хирурга императорского двора А.-Ю. Ивана и гвардейского хирурга Пале. Марбо, ссылаясь на данные беседы с Ивановым, утверждал, что мнение последнего о мерах по спасению маршала было протиположительно позиции Ларрея, настаивавшего на ампутации: «Ларрей был главным среди врачей, его мнение возобладало, и маршалу ампутировали левую ногу...» Но даже и в этом случае сам Ларрей признавался, что решение на операцию ему давалось нелегко: «*есть* (выделено нами. — М. Ч.) мои товарищи признавали необходимость немедленной ампутации ноги, хотя из-за малых надежд на положительный исход и из-за чрезвычайного тяжелого состояния пациента никто не отваживался приступить к ней»⁵². Менее чем за две минуты Ларрей ампутировал маршалу левую ногу. Из-за тяжелого состояния пациента врачи решили повременить с его транспортировкой в Шёнбрунн, где он оказался бы в лучших условиях, и поместили раненого неподалеку, в доме пивовара в Эберсдорфе, в десятке километров от Шёнбрунна. Этот дом сохранился до настоящего времени; на его стене установлена памятная табличка на немецком языке. Кружлостолбчатый рикшетр за Данном оуше-ствял Ланефранк и Пале.

После ампутации состояние раненого в первые дни после операции несколько улучшилось, и Наполеон 25 мая уверенно написал министру полиции Ж. Фуше: «Я думаю, что герцог Монтебелло будет ходить на деревянных протезе»⁵³. Однако в ночь на 28 мая ампутация дала осложнение, у таписта, судя по всему, началась гангрена, — появились сильный жар, он перестал узнавать окружающих и стал бредить. Врачи разделились во мнениях: Ланефранк и Пете давали пессимистические прогнозы, Ларрей и Иван настаивали, что все протекает нормально (в письме к личному врачу Наполеона Ж.-Н. Корвизару Ланефранк вспоминал: «Все окружающие, кроме меня и Пале, ни о чем не подозревали»). Личный камердинер Наполеона Л. Кон-

стан Верри утверждал о второй операции Данна, намекая на ампутацию правой ноги, но ни Ларрей, ни Ланефранк не обмолвились об этом ни словом⁵⁴. В 5 или 6 ч 31 мая, после недельной агонии, маршал скончался на руках своего адъютанта Марбо (он охотно огнес даву смерти маршала на 30 мая): «...в ночь с 29 на 30 (правильно: с 30 на 31 мая. — М. Ч.)... бред сменился упадком сил. Он пришел в себя, узнал меня, пожал мне руку, затворил о своей жене и плечерых детях, о своем отце... Я был у его изголовья, он прилонил голову к моему плечу, казался, задремав, и испустил последний дух»⁵⁵. Существовала легенда, что на смертном одре Данн обвинил Наполеона в его амбициях; однако достоверных доказательств данной версии не обнаружено.

За свою полководческую карьеру Наполеон потерял убитыми трех маршалов из двадцати шести (Данна, Бессьера и Понятовского), но именно в отпущении Данна император проявил самые глубокие и искренние человеческие чувства. Мамелюк Рустам и Константин вспомнили, как во время обеда слезы Наполеона капали в ложку с супом. Императрице Марии-Луизе император написал: «Потеря герцога Монтебелло, скончавшегося сегодня утром, потрясла меня до глубины души»⁵⁶. Известить герцогиню Монтебелло об ужасной трагедии Наполеон решил лично. Письмо императора, столь простое и прямое, лишний раз доказало искренность скорби повелителя Франции: «Моя кузина! Этим утром от ран, полученных на поле битвы, маршал скончался. Ваша боль — это и моя боль. Я потерял самого знаменитого в армии полководца, моего соратника в течение шестнадцати лет, человека, который я всегда рассматривал как своего лучшего друга. Заверьте Вас, что его семья и дети всегда будут находиться под моей защитой, — именно этой целью я и написал это письмо, ибо ничто на свете не может смягчить обрушившуюся на Вас горесть и боль от утраты самого близкого и дорогого Вам человека»⁵⁷.

Заблуждаемые останки герцога Монтебелло перевезли из Шёнбрунна в Спассбург. Год спустя тело маршала с большой помпой, с салютом и почестями по всем городкам и поселкам в сопровождении траурного corteja, привезли в Париж. В день годовщины победы при Ватерлоо, 6 июля 1810 г., маршала торжественно похоронили в склепе Пантеона (ниша № 22); сердце Ж. Данна погребено на парижском кладбище Монмартр. В последний путь маршала провожал огромная траурная процессия на глазах ослепто в траур всего Парижа. Четыре маршала империи (Моисей, Даву, Ж.-М. Серюрье и состоявший на своем участке в этой процессии из благородных сообразней Бессьер) несли траурный покров на гроб их славного коллеги. Рядом вытисывали с собой в руке четыре солдата-инвалида, получившие ранения в сражениях под руководством Данна. Останки знаменитого маршала сопровождали военные, гражданские и религиозные лица в строгом порядке⁵⁸.

Потомки не забыли подвиги герцога Монтебелло. 25 мая 1834 г., к 65-летию маршала, в родном городе гасконца Лектору торжественно была открыта статуя работы Ж.-П. Корто. Бюст маршала (вместе с бюстами только еще трех маршалов империи — Понятовского, Мортье и Бессьера) находится в урочной Луи-Филиппом «галерея военной славы Франши» (*galeries des batailles*) Версальского замка, где увековечены самые славные битвы и полководцы Франции за 14 веков (с V до XIX в.). Имя Данна выравнено на восточной стороне Триумфальной арки на Пляшадзе Звезд. Его имя среди других маршалов находится в так называемом Бульварном маршальском кольце в Париже. В 2009 г. общество «Наследие маршала Данна» («Memento du Maréchal Lannes») организовало и провело широкоую и насыщенную программу по случаю празднования 240-летней годовщины со

дня рождения герцога Монтебелло⁵⁹. С другой стороны, в Лектуре до сих пор нет улицы, названной именем Ланна. Правда, улица, где он родился, носит название улицы Монтебелло, но любителям Второй империи это название будет напоминать другую победу французов над австрийцами, во время Австро-итало-французской войны 1859 г., одержанную при Монтебелло также французами над австрийцами, но полвека спустя (20 мая 1859 г.).

Как известно, до сих пор в отечественной и зарубежной литературе присутствуют обильные восторженные отзывы Наполеона о Ланне. В частности, классическим можно назвать изречение бывшего императора на о. Св. Елена от 4—5 декабря 1815 г.: «Ланн имел больше храбрости, чем рассудка, но с каждым днем постоянно уравнивал эти два качества. Я нашел его пигмеем, а потерял гигантом». Отечественные историки традиционно называют Ланна одним из лучших маршалов Наполеона⁶⁰. Но действительно ли смелый и отважный гасконец являлся выдающимся военным дарованием?

Прежде всего фраза Наполеона — «я нашел его пигмеем, а потерял гигантом» — не должна вводить нас в заблуждение. Он потерял «гиганта» Ланна не потому, что он уже уравнивал рассудок с храбростью, а потому, что он за свою 17-летнюю военную карьеру (с 1792 по 1809 гг.) только начал уравнивать эти два качества. Тот же Наполеон на Св. Елене, спустя полгода (12 августа 1816 г.) очень метко сказал о действиях трех своих маршалов в апреле 1809 г.: «Массена проявил себя как выдающийся полководец, Даву показал себя достойным всех похвал и маршалом, созданным для великих дел... Ланн был настоящим Ахиллом армии, ее разящим мечом...»⁶¹. Соответственно, Ланн, по его признанию, был только «мечом», то есть блестящим исполнителем, а не «выдающимся полководцем» вроде Массены, или «маршалом, созданным для великих дел» как Даву.

Действуя на полях сражений бок о бок вместе с великим императором, Ланн не стал его учеником в стратегии войны. В актив Ланна обычно зачисляют победы при Монтебелло, Пултуске и Туделе, удачные действия при Фридланде и взятие Сарагосы. Победа при Монтебелло в 1800 г. стала возможной только благодаря своевременному подходу дивизии Виктора. Победа при Пултуске в 1806 г. была очень похожа на победу при Монтебелло: шансы на победу маршала были невысоки, если бы не своевременный приход 5-тысячной дивизии Дольтана. К тому же при Пултуске Наполеон отправил Ланна не для сражения с основными неприятельскими силами, а только для выхода в тыл русской армии. При Туделе ему требовалось уничтожить морально подавленные долгим отступлением войска испанцев Кастаньоса и Палафокса, а в ходе взятия Сарагосы — довершить начатое предшественниками дело. Сравнение Ланна с Сультом (первый был старше менее чем на месяц) и Даву (который был младше Ланна на год) вообще не выдерживает никакой критики.

Французский генерал и военный мыслитель XIX в. Ж.-Л. Лёваль справедливо сказал: во время Первой империи «...очень многочисленны были люди действия, энергии и порыва, дебюты которых были ознаменованы блестящими подвигами. Их храбрость привлекала к ним внимание, и они достигали самых высоких должностей, оставаясь все теми же, какими они были в начале своей карьеры. После такого количества походов, практика войны их ничему не научила. Опыта они не приобрели... Всегда восхитительные бойцы, они никогда не досрости до людей с замыслом»⁶². Ланн — один из образцов, подтверждающих данное высказывание. Неслучайно немецкий военный историк Г. Дельбрюк, анализируя военные дарования французских ге-

нералов и маршалов периода Революции и Первой империи, сказал о Ланне (равно как и о Ж.-Б. Журдане и Лефевре): в королевской армии остался бы рядовым или в лучшем случае дослужился бы до унтер-офицера. Выше них Дельбрюк ставил таланты Ожеро, Сульта, Нея, Мюрата, Виктора и Удино⁶³.

Маршал Первой империи Жан Ланн действительно был одной из самых ярких и привлекательных величин в блистательном созвездии наполеоновских маршалов, любящим отцом и другом Наполеона, но человеком с ограниченным кругозором и снедаемый огромными и непомерными амбициями. Ланн обладал невероятным и неповторимым умением поднимать боевой дух солдат, невиданной храбростью и редким мужеством, необходимым хладнокровием на поле боя. Под чутким присмотром Наполеона он успешно демонстрировал прекрасные качества умелого тактика, но военные дарования маршала принципиально ничем не отличались от успешных маневров других известных наполеоновских маршалов и даже генералов. В 1804 г. Ланну удалось найти маршальский жезл в своем походном ранце, но найти свой Ауэрштедт ему было явно не по силам.

Примечания

1. КУРИЕВ М.М. Маршалы Наполеона: групповой портрет. — Very Important Person, 1991, № 1, с. 60—63; ТРОИЦКИЙ Н.А. Маршалы Наполеона. — Новая и новейшая история, 1993, № 5, с. 169; ШИКАНОВ В.Н. Созвездие Наполеона. М. 1999.
2. VALYNSEEE J. Les Maréchaux de Premier Empire. P. 1957, p. 133—134, 144; LANNES Ch. Le Maréchal Lannes. Tours, s.d., p. 10—11.
3. МАРБО М. Мемуары генерала барона де Марбо. М. 2005, с. 345.
4. Там же, с. 23—24, 345.
5. THOMAS. Le maréchal Lannes. P. 1891, p. 5; LANNES Ch. Op. cit., p. 16. В этой фразе существует явная двусмысленность: сосед отца употребил слово «capitaine», которое обозначает одновременно и «полководец», и чин капитана.
6. LANNES Ch. Op. cit., p. 13.
7. DAMAMME J.-C. Lannes. Maréchal d'Empire. P. 1987, p. 74.
8. Ibidem., p. 31.
9. WILLETTE L. Le Maréchal Lannes, un d'Artagnan sous l'Empire. P. 1979, p. 55, 56.
10. Ibidem., p. 57—58.
11. LAS-CASES E. de. Mémoires de Sainte-Hélène. T. 1. P. 1999, p. 234; Ibidem. T. 2. P. 1999, p. 1064.
12. МАРБО М. Ук. соч., с. 346; LANNES Ch. Op. cit., p. 32.
13. DAMAMME J.-C. Op. cit., p. 326—330; WILLETTE L. Op. cit., p. 88—90.
14. CHARPAIL. Mes souvenirs sur Napoléon. P. 1893, p. 252. См. также: ESPINCHAL H. d'. Souvenirs militaires (1792—1814). P. 1901, t. 1, p. 144—145.
15. ЛАШУК А. Наполеон. Походы и битвы. 1796—1815. М. 2004, с. 150—152. См. также: ЧАНДЛЕР Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М. 1999, с. 190.
16. BOURRIENNE. Mémoires. T. 4. P. 1829, p. 112.
17. ЧАНДЛЕР Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М. 1999, с. 190; CUGNAC G. de. Campagne de l'Armée de Réserve en 1800. P. 1900, p. 268; JOMINI. Histoire critique et militaire des Guerres de la Révolution. Bruxelles. T. 13. 1838, p. 212—213; Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon (Mémoires de Napoleon). T. VI. P. 1830, p. 223—224; THOMAS. Op. cit., p. 75; SARGENT H.H. Campaign of Marengo. Lond. 1897, p. 157—158; KELLERMANN. Histoire de la campagne 1800. P. 1854, p. 136.
18. PERIN R. Vic militaire de J. Lannes, Maréchal de l'Empire, duc de Montebello. P. 1809, p. 149; DAMAMME J.-C. Op. cit., p. 60—61; Correspondance de Napoléon. T. 6. P. 1860, p. 360—362.
19. АБРАНТЕС Л. Записки героини д'Абрантес. Т. 3. М. 1835, с. 297; МАРБО М. Ук. соч., с. 345.
20. АБРАНТЕС Л. Ук. соч. Т. 4. М. 1836, с. 317—318; REMUSAT de. Mémoires. T. 2. P. 1880, p. 383; PASQUIER. Mémoires. T. 1. P. 1894, p. 379—380; DURAND S.C. Mémoires sur Napoléon, l'impératrice Marie-Louise et la cour des Tuileries (1810—1814). P. 1828, p. 61.

21. VALYNSEEELE J. Op. cit., p. 134, 140, 143; CHARDIGNY. Les Maréchaux de Napoléon. P. 1977, p. 459. О потомках маршала см. также: <http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/history/289/> и http://web.genealogie.free.fr/Les_dynasties/Les_dynasties_celebres/France/Dynastie_Lannes.htm
22. CAULAINCOURT. Mémoires. Т. 2. P. 1933, p. 331.
23. БУРИЕНН. Записки. Т. 5. СПб. 1834, с. 61—62. ШИКАНОВ В.Н. Ук. соч., с. 157—159; THIERS A. Histoire du Consulat et de l'Empire. Т. 3. P. 1845, p. 325—326; СОКОЛОВ О.В. Армия Наполеона. СПб. 1999, с. 426; ЛАШУК А. Гвардия Наполеона. М. 2003, с. 36.
24. LANNES Ch. Op. cit., p. 57.
25. БУРИЕНН. Ук. соч., с. 62.
26. АБРАНТЕС Л. Ук. соч. Т. 5. М. 1835, с. 283—284.
27. АБРАНТЕС Л. d'. Histoire des salons de Paris. Т. 6. Bruxelles. 1838, p. 175.
28. БУРИЕНН. Ук. соч., с. 59.
29. BOREL M. La mission diplomatique du général Lannes a Lisbonne (1801—1804). — Revue des Deux Mondes. Т. 4. P. 1911, p. 374—375, 653—655, 657, 658—659, 667; Dictionnaire Napoléon. P. 1987, p. 1368.
30. STERN J. Le château de Maisons. — Revue de Paris, 1934, t. 3, p. 649.
31. ТНIEBAULT. Mémoires. Т. 3. P. 1894, p. 463 (note); WILLETTE L. Op. cit., p. 157, 159.
32. АБРАНТЕС Л. д'. Ук. соч. Т. 9. М. 1836, с. 320; МАРБО М. Ук. соч., с. 328—331.
33. CHARDIGNY L. Op. cit., p. 103—104.
34. Ibidem., p. 104.
35. CAULAINCOURT. Op. cit., p. 331, 332.
36. Correspondance du Maréchal Davout, prince d'Eckmühl (1801—1815). Т. 1. P. 1885, p. 380; FOUcart P. Campagne de Pologne. Novembre-décembre 1806 — janvier 1807 (Pultusk et Golymin). Т. 1. P. 1882, p. 468 (note), 471.
37. Dictionnaire Napoléon, p. 1430.
38. FOUcart P. Op. cit., p. 471—472. См. также: Ibidem., p. 469—470; G.L. La manoeuvre de Pultusk. — Revue d'histoire, 1911, № 123, p. 135.
39. FOUcart P. Op. cit., p. 472; ЛЕТТОВ-ФОРБЕК О. фон. История войны 1806 и 1807 гг. Т. 3. Варшава. 1896, с. 114.
40. DAMAMME J.-C. Op. cit., p. 227—229; WILLETTE L. Op. cit., p. 178. Один из первых биографов маршала вообще о Пултуске предпочел упомянуть бегло, не вдаваясь в детали: PERIN R. Op. cit., p. 190—191. См. также: Victoires, conquêtes, désastres, revers et guerres civiles des français. Т. 17. P. 1820, p. 31; Campagne de la Grande armée en Saxe, en Prusse et en Pologne en l'an 1806 et l'an 1807. P. 1807, p. 253—254.
41. DURAND S.-C. Op. cit., p. 61. Наполеон говорил Коленкуру, что Ланн страстно хотел бы принадлежать к благородному сословию. См.: CAULAINCOURT. Op. cit., p. 330.
42. REGENBOGEN L. Napoléon a dit. P. 1998, p. 362; Correspondance de Napoléon, 1865, t. 17, p. 530.
43. BELMAS J. Journaux des sièges faits ou soutenus par les français dans la Peninsule, de 1807 à 1814. Т. 2. P. 1836, с. 139; BEY F. Lannes s'empare de Saragosse. — La revue de Napoleon, 2009, № 37, p. 5; HUGO A. France militaire. Т. 4. P. 1838, p. 92; PERIN R. Op. cit., p. 211.
44. DAMAMME J.-C. Les soldats de la Grande Armée. P. 2002, p. 183; THIERS A. Histoire du Consulat et de l'Empire. Т. 9. P. 1849, p. 567.
45. Lettres, rapports reçus ou envoyés par S.E. Monsieur le Maréchal duc de Montebello à S.M. l'Empereur ou aux autres Maréchaux pendant la siège et la prise de la ville de Saragosse. — Revue des Études Napoléoniennes. Т. XIV. P. 1918, p. 158. См. также: PETIT M. Les sièges célèbres. P. 1881, p. 214.
46. Lettres, rapports., p. 167, 185.
47. Ibidem., p. 306; BELMAS J. Op. cit., p. 327, 329, 322—323, 415; BEY F. Op. cit., с. 13; DIGBY S. The Greenhill Napoleonic Wars Data Book. Lnd. 1998, p. 280; Dictionnaire Napoléon, p. 1536; LEJEUNE. Sièges de Saragosse. P. 1840, p. 246; JOSEPH. Memoires et correspondance politique et militaire du Roi Joseph. Т. 5. P. 1854, p. 413—414.
48. Lettres, rapports., p. 192, 306, 327.
49. ЛАШУК А. Наполеон. Походы и битвы, с. 424.
50. МАРБО М. Ук. соч., с. 336.
51. LARREY D.-J. Mémoires de chirurgie militaire et campagnes Т. 3. P. 1812, p. 278; THOUMAS. Op. cit., p. 366—367.
52. LARREY D.-J. Op. cit., p. 278, 279; МАРБО М. Ук. соч., с. 336; THOUMAS. Op. cit., p. 367.
53. Correspondance de Napoléon. Т. 19. P. 1866, p. 43; МАРБО М. Ук. соч., с. 336; DAMAMME J.-C. Les soldats de la Grande Armée, p. 252.
54. THOUMAS. Op. cit., p. 368; CONSTANT L. Mémoires. Т. 4. P. 1830, p. 146.
55. МАРБО М. Ук. соч., с. 341. Случайно или нет, но доктор Ланефранк, не покидавший пациента после операции, в подробном письме к Корвизару о последних днях маршала не упомянул ни одним словом о Марбо вообще, равно как и о его присутствии или какого-либо другого альянта Ланна при маршале в последние минуты его жизни. См.: THOUMAS. Op. cit., p. 366—370.
56. РУСТАМ Р. Моя жизнь рядом с Наполеоном. Ереван. 1997, с. 126; CONSTANT L. Op. cit. Т. 5. P. 1830, p. 62; DAMAS-HINARD J.-J. Napoleon. Ses opinions et jugements sur les hommes et sur les choses. Т. 2. P. 1838, p. 41.
57. Correspondance de Napoléon. Т. 19. P. 1866, p. 62. См. также: НАПОЛЕОН. Воспоминания и военно-исторические произведения. М. 1994, с. 627. Кончина Ланна вызвала небывалый траур и у масонов, среди которых покойный занимал высокие посты, в частности, в ложе «Великий Восток» («Grande Orient»). См.: Dictionnaire de la franc-maçonnerie. P. 1987, p. 763.
58. Подробнее о церемонии захоронения см.: ШИКАНОВ В.Н. Ук. соч., с. 420—424.
59. <http://www.lannes.org/manifestations.html>
60. LAS-CASES E. de. Op. cit., t. 1, p. 280, 361; ТАРЛЕ Е.В. Наполеон. М., 1991, с. 211; МАНФРЕД А.З. Наполеон Бонапарт. М. 1971, с. 152; ТРОИЦКИЙ Н.А. Александр I и Наполеон. М. 1994, с. 167.
61. LAS-CASES E. de. Op. cit. Т. 1, p. 234; Т. 2, p. 1064. Примечательно, что один из биографов Ланна, цитируя слова императора о «разящем мече», «не заметил» характеристики Массены и Даву, приведенных Наполеоном в одном и том же предложении. См.: WILLETTE L. Op. cit., p. 222.
62. Стратегия в трудах военных классиков. М. 2003, с. 164.
63. ДЕЛЪБРЮК Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4. СПб. 1997, с. 306.